

Д. Е. Алимов

Steindorff Ludwig. Povijest Hrvatske od srednjeg vijeka do danas / Prijevod Renata Steindorff-Andrun, Srećko Lipovčan. Zagreb: Naklada Jesenski Turk: Institut društvenih znanosti Ivo Pilar, 2006. 274 s. ISBN 953-222-228-6

Вышедшая в Загребе в 2006 г. книга немецкого историка, специалиста по истории Хорватии и других стран Центральной и Восточной Европы, Людвиг Штайндорфа «История Хорватии от Средневековья до наших дней» представляет собой перевод на хорватский язык немецкого издания, увидевшего свет в 2001 году¹. Уже сам факт выхода этой книги, которую можно отнести к разряду так называемых «кратких историй», в Хорватии, где, конечно, не ощущается недостатка в обобщающих работах по собственной национальной истории, заслуживает внимания. Он свидетельствует о том, что, несмотря на стоявшую перед Л. Штайндорфом основную задачу — ознакомить с хорватской историей широкий круг немецких читателей (о чем автор и пишет во Введении к хорватскому изданию), значение книги этим далеко не исчерпывается. Хотя российский читатель уже имеет возможность составить представление о книге Л. Штайндорфа благодаря опубликованной недавно подробной рецензии на немецкое изда-

¹ Steindorff L. Kroatien: Vom Mittelalter bis zur Gegenwart. Regensburg: Verlag Friedrich Pustet, 2001. 272 s.

ние², думается, что появление хорватского перевода — достаточный повод для того, чтобы еще раз обратить внимание на некоторые стороны книги Л. Штайндорфа, которые выделяют ее из целого ряда обобщающих работ по хорватской истории.

К числу наиболее ярких достоинств книги в первую очередь следует отнести наличие в ней свежего, не замутненного теми или иными старыми историографическими клише, взгляда на многие события хорватской истории, что обеспечивается главным образом учетом результатов новейших исследований. Некоторые разделы книги, например посвященные развитию хорватских земель и далматинских городов в период с XII до середины XIV века, формированию и развитию городских коммун в Далмации, городской и сельской колонизации Славонии, основаны в значительной степени на исследованиях самого Л. Штайндорфа³. В остальных же случаях автор опирался на современную историографию. Яркий пример — изображение автором картины хорватского этногенеза, которое — притом что посвященный этой теме одноименный подраздел занимает не более одной страницы — представляется нам достаточно содержательным. Л. Штайндорф подчеркивает, что хорватский этногенез «тесно связан с образованием Аварского каганата и переселением славян», и относит формирование хорватской общности к VII–VIII векам. Вместе с тем автор исключает формирование хорватской общности в результате простого процесса разграничения внутри славянских племен, исходя из неславянского происхождения этнонима «хорват». Отвергая идею прихода хорватов с Кавказа на Адриатику как уже оформившегося народа, т. е. иранскую теорию происхождения хорватов в ее крайнем «примордиалистском» варианте, Л. Штайндорф полагает, что этноним «хорват» первоначально, возможно, являлся в Аварском каганате «почетным наименованием с функциональным или социальным значением» (S. 27). Имя «хорват» носили, как полагает немецкий историк, ссылаясь на распространенность этого имени в Карантании, Чехии и других землях, те группы, которые выполняли определенные функции на пограничных территориях каганата. Ясно, что в данном случае Л. Штайндорф опирался на концепцию происхождения хорватов, разработанную в трудах австрийских исследователей О. Кронштайнера, Х. Вольфрама, В. Поля, и получившую дальнейшее развитие в трудах хорватского ученого Л. Маргетича, согласно которой изначально хорваты представляли собой определенную социальную группу Аварского каганата⁴. Выбор автором именно этой — основательной и весьма перспективной с точки зрения дальнейших исследований — концепции всецело отвечает требованиям ознакомления читателей с новейшими достижениями науки, которая в последние десятилетия в сфере изучения этногенеза хорватов заметно шагнула вперед.

² Подопригорова Н. Н. [Рец. на кн.:] Штайндорфф Л. Хорватия: От Средневековья до наших дней // Вопросы истории славян. Вып. 17. Воронеж, 2006. С. 231–245. — Ср. также хорватскую рецензию Н. Будака: Budak N. [Rec.:] Ludwig Steindorff: Kroatien: Vom Mittelalter bis zur Gegenwart // Historijski zbornik. God. LV. Zagreb, 2002. S. 262–265.

³ Список основных научных работ Л. Штайндорфа по истории Хорватии приведен в конце книги (S. 245–250).

⁴ См.: Kronsteiner O. Gab es unter den Alpenslaven eine kroatische ethnische Gruppe? // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Bd. 24. Wien, 1978. S. 137–157; Wolfram H. Conversio Bagoariorum et Carantanorum: Das Weissbuch der Salzburger Kirche über die erfolgreiche Mission in Karantien und Pannonien. Wien; Köln, 1979. S. 9; Pohl W. 1) Das Awarenreich und die «kroatischen» Ethnogenesen // Die Bayern und ihre Nachbarn. Teil I. / Hrsg. von H. Wolfram und A. Schwarz. Wien, 1985. S. 293–298; 2) Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa, 567–822 n. Chr. München, 1988. S. 261–268; 3) Osnove hrvatske etnogeneze: Avari i Slaveni // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. Zagreb, 1995. S. 86–96; Margetić L. Dolazak Hrvata. Split, 2001. S. 185–216.

Другой пример ориентации автора на результаты современных исследований — трактовка им некоторых имеющих обширную историографию сюжетов из средневековой истории Боснии и Герцеговины⁵. Например, рассуждая об историческом феномене так называемой «Боснийской церкви», Л. Штайндорф высказывается против того, чтобы именовать ее богомильской. По мнению немецкого историка, наиболее подходящее для нее определение — «архаическая монашеская церковь» (S. 60). Как видно, Л. Штайндорф следует здесь интерпретации, распространившейся в историографии главным образом в последние десятилетия под влиянием целого ряда исследований, результаты которых решительно расходятся с тезисом о богомильском характере «Боснийской церкви», восходящим к опубликованной почти полтора столетия назад работе Ф. Рачкога⁶. Характеризуя причины успешной исламизации Боснии, немецкий историк склонен отвергнуть еще одну популярную некогда гипотезу, согласно которой в ислам были обращены главным образом приверженцы «Боснийской церкви». Обстоятельство, благоприятствовавшее исламизации Боснии, Л. Штайндорф усматривает в том, что ни одной из христианских конфессий так и не удалось установить в Боснии достаточно прочную церковную организацию, в то время как созданные здесь церковные структуры часто существенно ослаблялись в результате характерных для пограничного региона, каким долгое время являлась Босния, миграционных движений. И на сей раз объяснение, предложенное Л. Штайндорфом, в полной мере соответствует пониманию процесса исламизации Боснии, утвердившемуся в современной науке⁷.

История Хорватии в Средние века, особенно в эпоху «народных правителей», как традиционно именуется в хорватской историографии период до заключения в 1102 г. унии Хорватского королевства с Венгрией, как известно, изобилует сложными, до сих пор полностью пор не разрешенными, хотя и активно изучавшимися в течение многих десятилетий, вопросами. Нельзя не заметить, что в своем очерке раннесредневековой истории хорватов Л. Штайндорф стремился в первую очередь дать сумму достоверных знаний, а не выносить на суд читателя различные точки зрения, представленные в современной историографии. Поэтому, когда дело касается сложных вопросов, не получивших еще однозначного разрешения в науке, формулировки автора предельно осторожны. Необходимо отметить и еще одну важную черту в описании Л. Штайндорфом, прежде всего, средневековой истории Хорватии. Эпоха, когда Хорватское государство было политически независимым, а в отдельные периоды и весьма могущественным, по праву занимает особое место в историческом сознании хорватской нации. Апелляция к этой эпохе играла, как известно, важную роль в период хорватского

⁵ Включение в повествование важнейших сюжетов из истории Боснии и Герцеговины полностью вписывается в давнюю традицию хорватского национального исторического нарратива и представляется по многим причинам совершенно оправданным.

⁶ Знаменательно, что именно такой новый подход к феномену «Боснийской церкви» нашел отражение и в другой общей работе, призванной отразить современное состояние исследований и переведенной вскоре на несколько языков, — краткой истории Боснии Н. Малькольма: *Malcolm N. Bosnia. A Short History*. London, 1995. P. 27–42. — Вместе с тем необходимо отметить, что и в настоящее время далеко не все исследователи готовы отказаться от использования термина «богомилы» применительно к приверженцам «Боснийской церкви». Из новых работ см., например: *Jalimam S. Historija bosanskih bogomila*. Tuzla, 1999.

⁷ Ср., например: *Желязкова А.* Босния под османской властью в XV–XVII вв. // *Османская империя: Государственная власть и социально-политическая структура*. М., 1990. С. 178; *Акимова О. А.* Межконфессиональные отношения в Боснии: (Конец XIV–XV век) // *Славяне и их соседи*. Вып. 7: Межконфессиональные связи в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVII веках. М., 1999. С. 35.

национального возрождения. Да и гораздо позже текущая политическая ситуация неизбежно накладывала свой отпечаток на трактовку отдельных событий и образов средневекового прошлого хорватов, подчас приводя к их мифологизации. Повествуя о людях и событиях, ставших в силу разных причин «знаковыми» для национального самосознания хорватов и/или идеологий, представленных в хорватском обществе в ту или иную эпоху, Л. Штайндорф часто считает недостаточным ограничиться изложением достоверно известных фактов. В таких случаях немецкий историк знакомит читателя также с представлением, обычно весьма далеким от исторических реалий, но являвшимся некогда существенным элементом исторического сознания политически утраченной нации. Так, говоря о «первом короле» Хорватии Томиславе (ок. 914–928 г.), Л. Штайндорф поведал читателю о некогда распространенном в хорватской историографии представлении о торжественной коронации хорватского правителя на Дуваньском поле, справедливо замечая при этом, что представление это базируется на весьма сомнительном истолковании позднейших сведений Летописи попа Дуклянина (S. 36)⁸. В разделе, посвященном хорватской глаголической письменности, Л. Штайндорф даже счел нужным упомянуть знаменитый памятник в Сплите современнику Томислава, «борцу за глаголицу», епископу Григорию Нинскому, работы гениального хорватского скульптора И. Мештровича (S. 67). При этом автор, разумеется, подчеркнул, что серьезным оснований для того, чтобы считать хорватского епископа защитником глаголицы и богослужения на славянском языке, на самом деле нет⁹. Таким образом, на страницах своей книги Л. Штайндорф знакомит читателя не только с реальными историческими фигурами и событиями конкретной исторической эпохи, но и — в ряде случаев — с их появившимися позднее мифологизированными образами. Нельзя не отметить, что в рамках жанра «краткой истории» такой подход обогащает повествование, делает его более интересным для читателя.

В связи с этим следует отметить вполне сознательное, как явствует из авторского введения к хорватскому изданию, стремление Л. Штайндорфа акцентировать внимание на тех исторических событиях, которые, на взгляд автора, особенно прочно укоренены в «хорватском историческом сознании» (S. 12). К их числу Л. Штайндорф относит, например, благословение папой Иоанном VIII хорватского князя Бранимира, а также всего народа и страны хорватов в 879 году, крестьянское восстание 1573 года, антигабсбургское восстание хорватских аристократов Николы и Петра Зринских и Франа Крсто Франкопана, деятельность бана Йосипа Елачича. Стремление автора не только познакомить немецкого читателя с тем, что является наиболее значимым, с точки зрения самих хорватов, но и соответствующим образом расставить акценты, разумеется, оправдано. Это отвечает и авторскому пониманию того, что следует называть национальной историей. «Национальная история, — пишет немецкий историк, — возникает на основе прослеживания многочисленных линий континуитета, которые уходят в далекое прошлое» (S. 12). Л. Штайндорф перечисляет такие линии конти-

⁸ Летописный рассказ о Соборе на Дуваньском поле был специально проанализирован Л. Штайндорфом в статьях: *Steindorff L.* 1) Die Synode auf der Planities Dalmae. Reichseinteilung und Kirchenorganisation im Bild der Chronik der Priesters von Dioclea // *Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung*. Bd. 93. Wien, 1985. S. 279–324; 2) Tumačenja riječi *Dalmatia* u srednjovjekovnoj historiografiji. Istodobno o saboru na *Planities Dalmae* // *Etnogeneza Hrvata* / Ur. N. Budak. Zagreb, 1995. S. 148–158.

⁹ О том, как происходила «мифологизация» образа Григория Нинского в историографии, литературе, искусстве, подробно писал Н. Будак: *Budak N.* *Prva stoljeća Hrvatske*. Zagreb, 1994. S. 159–197.

нуитета в хорватской истории, кажущиеся ему наиболее значимыми: континуитет имени, государственность, религиозная сфера, язык и письменность с ее несколькими азбуками.

При этом автор отнюдь не ограничивается воспроизведением на новом методологическом уровне узловых точек традиционного хорватского исторического нарратива. Очевидны и значительные новации в подборе материала. К числу наиболее важных следует отнести особое внимание автора к истории хорватско-немецких связей, не говоря уже о том, что стремясь рассматривать протекавшие в Хорватии процессы в широком европейском контексте, Л. Штайндорф в некоторых случаях говорит и о сходных явлениях в развитии Хорватии и Германии. Хотя эта особенность книги, разумеется, продиктована ориентацией автора на интересы немецкого читателя, сюжеты из истории хорватско-немецких контактов очень органично вплетены в повествование и даже в рамках очерка собственно хорватской истории отнюдь не кажутся лишними. Так, например, очень уместным выглядит в разделе «Раннее Новое время» сюжет о хорватском «галстук» — платке, который хорватские воины той эпохи эффектно повязывали вокруг шеи. Рассказав об участии хорватских воинских контингентов в Тридцатилетней войне, Л. Штайндорф не только проинформировал читателя о важной странице хорватской истории, но и объяснил, каким образом в некоторых европейских языках, включая немецкий, появилось слово, образованное от именованя хорватов («*Krawaten*») и обозначающее галстук.

Книгу Л. Штайндорфа характеризуют взвешенность и объективность оценок, стремление рассматривать те или иные события и процессы с разных сторон, что, конечно, особенно ярко проявляется при описании событий хорватской истории Нового и Новейшего времени. В качестве примера можно привести освещение немецким историком событий 1848–1849 гг., а также оценку им последствий для Хорватии той политики, которая возобладала в Габсбургской монархии после подавления революционных движений этого времени. По словам Л. Штайндорфа, бан Йосип Елачич «находился в течение революции 1848–1849 гг. в особенно трагической ситуации» (S. 108), так как логика событий сделала его противником демократических движений венгров и австрийских немцев. Трудно сказать, насколько справедлива подобная оценка положения этого выдающегося хорватского государственного деятеля, но Л. Штайндорф, несомненно, прав, указывая на то, что уже само по себе намерение бана поддержать хорватское национальное движение, защитив его от венгерских посягательств, объективно делало Й. Елачича союзником Венского двора. Л. Штайндорф показывает неприемлемость для славянских подданных монархии Габсбургов выдвигаемых венгерскими и австрийскими революционерами национальных программ. Отсюда напрашивается естественный вывод: ориентация на Венский двор была в сложившейся ситуации с точки зрения хорватских интересов единственно правильной. Объективность Л. Штайндорфа особенно хорошо проявляется в оценке процессов, протекавших в Хорватии вскоре после обнародования здесь текста Октроированной конституции 1849 г. и в период неоабсолютизма, обычно считающийся в историографии крайне неблагоприятным для национального движения хорватов. Отмечая, что хорватское национальное движение уже после 1849 г. было почти полностью задушено, Л. Штайндорф вместе с тем указывает на то, что в следующие годы был принят «ряд мер большой важности» для формирования современной хорватской нации (S. 108). К их числу Л. Штайндорф относит поставление джяковским епископом Йосипа Юрая Штрос-

смайера, возведение Загребского епископства в ранг архиепископии, открытие хорватского театра в Загребе. Предельно сбалансированные оценки характерны и для изображения Л. Штайндорфом последствий для Хорватии австро-венгерского соглашения 1867 г. и хорватско-венгерского соглашения 1868 г., описания хорватских политических партий и острой политической борьбы второй половины XIX – начала XX в.

Рассматривая противоречивый период Первой мировой войны, создания сначала Государства словенцев, хорватов и сербов, а затем — после его объединения с Сербией и Черногорией — объединенного Королевства сербов, хорватов и словенцев, Л. Штайндорф отмечает «амбивалентность рождения этого государства как объединения южных славян или как расширения Сербии» (S. 157). Эта амбивалентность, как известно, сопровождала всю дальнейшую историю первой Югославии. Вместе с тем Л. Штайндорф далек от того, чтобы изображать политическое развитие первой Югославии исключительно в темных тонах. Отмечая свойственную ее истории межнациональную напряженность, взаимное недоверие народов, борьбу взаимоисключающих программ развития, немецкий историк, вместе с тем, справедливо обращает внимание на то, что «политические противники всегда снова начинали диалог». Л. Штайндорф отнюдь не склонен недооценивать и компромисс, увенчавшийся созданием бановины Хорватия, полагая, что «политические элиты, хотя и с большим опозданием, продемонстрировали в частичной федерализации государства в 1939 г. свою готовность к проведению существенных реформ в конституционном устройстве, показав в этом деле определенные способности» (S. 172).

Необходимо подчеркнуть, что автор прекрасно справился с нелегкой задачей создания такого очерка хорватской истории, который, с одной стороны, отражал бы суть важнейших событий и процессов, а с другой — не был бы перегружен массой деталей. В изображении чрезвычайно сложной, насыщенной политическими событиями, подчас запутанной истории Хорватии XX столетия автору — и это особенно важно — удалось добиться баланса между показом частного и выявлением общего. Образцовым в этом плане является раздел, посвященный так называемой «хорватской весне». Изложив хронике событий 1967–1971 годов, Л. Штайндорф метко указал на то, что в них переплелись и взаимно обусловили друг друга характерный для Европы того времени революционный настрой студенческих масс, усилившееся хорватское национальное самосознание и расширившееся вследствие известной либерализации пространство для политической деятельности. Как верно отметил автор, оценивая результаты движения, «хотя хорватская весна в осуществлении своих целей была столь же unsuccessfulна, как и схожие движения в других социалистических странах, память о том времени и принесенных жертвах станет здесь, как и в остальных странах, существенной составляющей того оппозиционного сознания, которое будет работать над разрушением общественной системы» (S. 205). Характеристику движения автор заключил справедливым замечанием, что все темы «хорватской весны» были вновь актуализированы в 1989 году, когда стала идти речь уже не об исправлении существовавшего тогда строя, а о его замене.

Подобным же образом, раскрывая перед читателем прежде всего местную специфику, но не забывая при этом об общеевропейских тенденциях, автор описывает последнее десятилетие существования Югославии, характеризуя основные предпосылки разворачивавшегося острого кризиса. Справедливо усматривая в самой фигуре Йосипа Броз Тито важный фактор интеграции югославского общества, стоявший над интере-

сами отдельных сил, Л. Штайндорф склонен считать событием, означавшим начало государственного кризиса в Югославии, смерть маршала в 1980 году. По мнению Л. Штайндорфа, смерть Тито означала также приход к власти нового поколения политиков, для которых прежние ценности уже не были столь привлекательны. Немецкий историк внимательно прослеживает кризисные явления, начавшие проявляться в это время в межнациональных отношениях, политике, экономике. Рассматривая бурные события конца 80-х – начала 90-х гг. XX века, Л. Штайндорф задается вопросом, волнующим отнюдь не только историков и политологов: был ли распад Югославии неизбежен? Думается, можно согласиться с Л. Штайндорфом, ссылающимся на аналогичные процессы в других социалистических странах Европы, что Югославия «и в условиях других внутренних отношений пережила бы социальный и политический перелом» и что «это бы приводило к дальнейшему ослаблению государственного единства» (S. 218). Таким, по мнению Л. Штайндорфа, было бы развитие событий, если бы возобладало движение к преобразованию страны в конфедерацию, к чему поначалу склонялось хорватское и словенское руководство. При этом можно заметить, что при рассмотрении причин югославского кризиса объектом авторской оценки не становится сама югославистская идеология. А ведь именно она в том или ином виде легла в основу создания и первой, и второй Югославии — государств, объединивших народы, в течение многих столетий разделенные не только государственными, но и конфессиональными, культурными и, если угодно, цивилизационными границами. Впрочем, эта тема, несомненно, требует обсуждения в более широком историческом контексте¹⁰ — воздержавшись от обращения к ней в разделе, посвященном событиям 1990-х годов, автор, как нам представляется, поступил мудро.

Стремясь оживить повествование, Л. Штайндорф нередко и всегда очень уместно вводит в рассказ занимательные детали, нередко связанные с современностью, позволяющие установить связь времен и объясняющие событиями прошлого те или иные реалии настоящего. Достоинством книги в этой связи является то особое внимание, какое автор уделил истории хорватского герба, исторической географии хорватских земель и формированию границ Хорватского государства, ареалу расселения хорватов и судьбам хорватской диаспоры в странах Европы. Эти важные сведения не рассеяны по ходу повествования, а сведены в компактные экскурсы, помещенные в начале книги, что, давая необходимую ориентацию во времени и пространстве, существенно облегчает читателю восприятие описания исторических событий. Книгу Л. Штайндорфа отличает неизменная ясность и доступность изложения, в чем, конечно, велики заслуги не только автора, но и переводчиков книги на хорватский язык — Ренаты Штайндорф-Андрун и Сречко Липовчана.

¹⁰ Удачным примером такого обсуждения в отечественной историографии может служить коллективный труд, в котором национальные идеологии, бытовавшие у народов, вошедших в состав Югославии, рассматриваются на протяжении длительного периода, предшествовавшего ее возникновению: На путях к Югославии: За и против: Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII — начало XX в. / Отв. ред. И. В. Чуркина. М., 1997. — Анализ идеологии югославизма с точки зрения стремления хорватов к достижению государственной независимости немало место уделено и в книге В. И. Фрейдзон, увидевшей свет в том же году, что и первое издание книги Л. Штайндорфа, и принадлежащей к тому же жанру «краткой истории»: Фрейдзон В. И. История Хорватии: Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). СПб., 2001.